

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Парадокс
Гретхен

Р О М А Н

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Парадокс Гретхен : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-186090-5

С известной героиней «Фауста» Асю роднит изначально уготованная ей роль жертвы. Долгое время женщина не противится судьбе, но, сама не замечая, толкает на такой же путь собственных детей. Получается парадокс: она — и Гретхен, и Мефистофель одновременно. Но однажды Ася понимает: пора брать судьбу в свои руки. Только не поздно ли?..

УДК8 21.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186090-5

Часть I

1

Телефон звонил долго и назойливо, заставляя напрячься, вынуждая натягивать на себя одеяло и даже засовывать бедную голову под подушку в надежде, что вот-вот прекратится это проявление чьей-то ранней нахальной бесцеремонности. Наконец настойчиво-требовательные звонки смолкли, но не успела Ася вздохнуть с облегчением, как тут же оготело завершал ее старенький мобильник, оставленный с вечера на тумбочке у кровати. Ну что ж, это уже серьезнее. От этих звонков голову под подушку не спрячешь и под одеяло ящерицей не нырнешь. Тем более что и имя, обозначившееся на ярком голубом дисплейчике, ей никак не позволяло поступить таким образом...

— Да, Жанночка, я тебя слушаю, — хрипловатым со сна голосом пробормотала Ася в трубку, все еще не решаясь окончательно раскрыть глаза. А вдруг у Жанночки минутный какой вопрос, который удастся быстренько решить и,

нажав на кнопку отбоя, снова погрузиться в желанный сон...

— Аська! Ну в чем дело-то? Ты почему трубку не берешь? Я звоню, звоню! Спишь, что ли?

— Так сегодня же суббота, Жанночка! Я выспаться наконец хотела...

— Ну и что? Не жить теперь, что ли, если суббота? Давай вставай быстро и ребят буди. Мы с Левушкой за вами через полчаса заедем.

— Жан, подожди... Как — через полчаса?! Мы же вчера не договаривались! Ты бы позвонила, предупредила. Мы и не готовы совсем...

— Да какая разница — договаривались, не договаривались! Так надо! У Левы обстоятельства изменились! У него сделка крупная срывается, вот и приходится для какого-то важного перца — чиновника поляну срочно накрывать! Левушке позарез его подпись в бумагах нужна! Так что давайте быстро-быстро собирайтесь и едем к нам на дачу. Надо, чтоб к приезду этого товарища все было готово: шашлык-машлык, водка-баня... И шевелись быстрее, Ася! Чего ты сопишь в трубку, как малолетка капризная? Почему я тебе растолковывать все должна, делать мне больше нечего, что ли? Раз сказала — надо ехать, значит, надо ехать!

— Жан, так может, я одна поеду? У ребят какие-то планы, по-моему, на сегодня...

— Ой, ну какие еще планы! Брось! Этот чиновник грозился вместе с семейством зава-

литься, а у него там дети... Кто их развлекать будет, по-твоему? Да и вообще, куда мы без Пашки, сама подумай! Сыночек твой со своими песенками у нас всегда идет как гвоздь программы... Давай, Ась, быстренько, ну что ты никак не врубаешься в ситуацию-то, господи! Только время на разговоры теряем, а нам еще на рынок надо заскочить, мясо для шашлыков выбрать... Давай, шевели помидорами, ну?!

— Да, Жанна, встаю уже...

— Ой, Ась, и пусть Пашка гитару не забудет, как в прошлый раз! Ты там проследи за ним. Ну, все — через полчаса выходите, чтобы мы вас не ждали, а то Лева психовать начнет...

Откинув одеяло, Ася села на постели, очумело потрясла головой. Господи, как же ей хотелось в это утро выспаться... Но ничего не поделаешь: надо подскакивать шустрым зайчиком и второпях собираться на Жаннину с Левушкой дачу — нельзя друзей подводить. Тем более — таких. За которыми и в огонь и в воду, и в любые обстоятельства, и чтобы обязательно при этом свою преданность и благодарность проявить. А главное — в ее, Асиной, дружбе крайнюю необходимость доказать...

Они дружили давно, еще с института. Еще когда и женаты не были. Правда, Жаннин Левушка с Асиным Павликом часто ссорились и даже дрались однажды по-настоящему, до выбитых зубов и свернутых прилюдно челюстей,

но все равно быстро мирились. Выясняли бурно отношения и вновь заключали мир. А когда поженились, дружили уже семьями: вместе ездили в отпуск, вместе отмечали все праздники, даже совместно, можно сказать, растили родившихся еще в студенчестве Асиных и Пашиных детей — своих-то у Жанны с Левушкой как-то не случилось... Вообще, хорошие были тогда времена: все жили примерно одинаково, и никто никому особо ничего не доказывал. Это потом все пошло-поехало кувыркком так, что бывшие друзья начали распределяться по разным уровням материально-социального положения. А их дружбы, казалось, это пресловутое разграничение будто и не коснулось. Несмотря даже на то, что Левушка в победившем капитализме вполне удачно устроился, быстренько разбогатев-раздобрев, а Павлик так до конца и сохранил преданность своему несчастному НИИ и разрабатываемой в его лаборатории научной теме по сохранению каких-то там совсем уже погибающих природных ресурсов, бесконечно пребывая в длительных сибирских командировках. Дома лишь наездами бывал. Зато уж когда появлялся — у всех праздник наступал: и у Аси, и у детей, и у друзей... Хороший был у нее муж. Умный, талантливый, веселый. И жизнь свою короткую прожил — как песню пропел. Три года назад погиб в этой своей сибирской экспедиции, разбившись на стареньком вертолете над тайгой, оставив Асю одну

с двумя детьми на руках — семнадцатилетним Пашкой и четырнадцатилетней Светланкой — как хочешь, так и поднимай... С тех пор она дружила с Жанной и Левушкой уже одна, после смерти Павла испуганно и окончательно-намертво к ним прилепившись. Потому что надеяться ей было больше не на кого. Потому что они действительно и очень по-настоящему ей помогали: Левушка даже сам для Павлика хороший институт выбрал и плату за обучение сразу за пять лет вперед внес.

— Павлик, Светочка, вставайте! Ну же, быстрее! Мы собираемся и едем к Соколовым на дачу! И у нас всего полчаса на сборы! — Ася, суется, стала поднимать детей.

— Мам, ты чего? Звонишь над ухом, как будильник. Так и перепугать человека можно насмерть... — поднял на нее с подушки лохматую голову Павлик. — Что случилось-то?

— Павлуша, ну вставай же быстрее! Говорю тебе — срочно едем на дачу к Жанне и Лева! И гитару свою не забудь, как в прошлый раз...

— Мам, да куда я не поеду, ты что?!. Я с ребятами уже договорился — репетиция у нас! У меня ни минуты свободной сегодня нет!

— Павлик, да как же ты... Да ты... Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Дядя Лева на тебя надеется, а ты...

— А чего ему на меня надеяться, с какой стати? Я что, обязан его пьяных краснорожих гостей

развлекать? Тоже мне, друзья-акулы... Не хочу!
Я им не публичный мальчик на разогреве!

— Паша, ну как тебе не стыдно, господи...
Что ты говоришь такое... Дядя Лева на помощь твою так рассчитывает, а ты... Да он же тебя как родного сына любит! И вообще, надо уметь быть благодарным, Паша! Не ожидала я от тебя...

Ася всхлипнула, сжала горестно плечи и, закрыв лицо руками, вышла из комнаты сына, выразительно хлопнув дверью. Но, как только вышла, ладони от лица моментально отняла — некогда ей тут спектакли разыгрывать, надо еще Светку будить. Та еще строптивница. А Пашка и без того на ее слезы очень правильно среагирует — так, как надо...

— Мам, все, меня призывать к порядку не нужно, я уже сама встала! — выскочила из своей комнаты дочь. — Чур, я первая в ванную! Потому что я сегодня хорошая девочка, послушная! — проскакала она мимо Аси резвым козликком, взмахивая спутанными неестественно-белыми волосами.

— Да уж, послушная... — проворчала ей вслед, улыбаясь, Ася. — А кто вчера волосы взял и так дико-вульгарно высветлил? Ты стала похожа на продавщицу из овощной палатки! Вот тетя Жанна тебе сейчас покажет, где раки зимуют! Даже неудобно за тебя, ей-богу. Могла бы и совета у нее спросить! Тетя Жанна так любит, когда ты с ней советуешься...

Не успела она развернуться и уйти на кухню, как дверь в комнату сына открылась и выпустила на свет виноватого Пашку — на него материнские слезы всегда быстро и безотказно действовали. Если не злоупотреблять этим, конечно. А Ася и не злоупотребляет — просто сегодня случай особенный: раз Жанночка сказала Пашку привезти, значит, надо обязательно его привезти.

— Мам, да поеду я, поеду. Не реви только, ладно? Сейчас позвоню, ребят предупрежу. А кроссовки мои старые где?

— Не знаю, Паш. Да ты новые надень! Те, что тебе тетя Жанна недавно подарила, фирменные. Там какие-то люди нынче серьезные собираются, нехорошо быть плохо одетым. Левушку подведешь. А ребята твои обойдутся, можно и не звонить, подумаешь, репетиция у них... Что еще за репетиции такие, ей-богу?.. Вы что, выступать где-то собираетесь с вашей суматошной, крикливой музычкой? Лучше бы занимался больше, а не на гитаре бренчал попусту! Кстати, ты ее с собой не забудь взять, тетя Жанна просила напомнить...

— А зачем? — снова начал заводиться Пашка. — Зачем гостям тети Жанны слушать мою крикливую музычку, как ты о ней отзываешься? Раз она такая плохая, так я и не навязываюсь! На вкус и цвет, мамочка, товарищей нет!

— Ну ладно, ладно, вечно ты ворчишь на меня... Ну сказала мать не то, уж и простить

ей нельзя? Иди-ка вон лучше сестру поторопи, а то и умыться не успеешь.

— Мам, а может, и Маргошу захватим? Она быстро соберется, тут же рядом! — с надеждой спросил юноша.

— Нет, сынок, неудобно. Они про Маргошку ничего не говорили. По-моему, она им не очень и нравится, девица твоя, да и места в машине для нее не будет...

Не любила Ася Пашкину девушку, не лежала к ней душа почему-то. Несмотря на то, что сын встречался с ней уже пять лет — с восьмого класса дружат, девушка все равно оставалась чужой для Аси. Да и Маргоша в дружбу особо не стремилась, держалась на дистанции, улыбалась только вежливо-равнодушно, приходя в гости, и все...

Левушкин «Лексус» уже ждал их у подъезда. Жанна, уместив свои внушительные телеса на переднем сиденье, нервно и нетерпеливо курила в открытое окно и очень презентабельно смотрелась в кокетливо повязанном, по молодежной моде, платочке на голове и черных стильных очках, зачем-то присобаченных к этому платочку поверху. И правда, зачем — солнца-то никакого не было и в помине, небо еще с вечера заволкло хмурыми, тяжелыми тучами, и вот-вот грозился пойти нудный осенний дождь. Но Ася знала: это он здесь, в городе, надоедливый, а в желто-красном осеннем лесу совсем даже и

наоборот — тихий и задумчивый, оттеняющий влажно-теплую красоту природного чувственного увядания. И вообще, легкая сырость лесу всегда к лицу: и дышится легче, и краски мягче. И для стареющей женской кожи этот лесной влажный воздух тоже весьма полезен...

— Привет, Аська! Здорово, Пал Палыч! Светка, наше вам с кисточкой... Садитесь быстрее, опаздываем! — улыбнулся им, выйдя из машины, Левушка. — Давай, Пашка, грузи гитару в багажник...

— Светка, ты с ума сошла? — недовольно уставилась Жанна на девочку, выщелкнув окурок в окошко, и даже головой резко и возмущенно дернула так, что стильные ее очки чуть не свалились с платочка на нос. — Ты когда успела себя испохабить-то? Сейчас с такими соломенными патлами уже и не ходит никто! А ты, мать, куда смотрела? — обернулась она к уже примостившейся на заднем сиденье Асе.

— Да разве за ней усмотришь? — Ася расстроено махнула рукой. — Я сама, как вчера увидела, чуть в обморок не упала...

— Светка! Я понимаю, ты мать проигнорировала — она для тебя не авторитет. А со мной почему не посоветовалась? Ну, ты даешь... А я хотела в понедельник тебя на шопинг с собой взять! Приодеть хотела на сезон грядущий, а ты вон что... Эх, ты... Сейчас и по магазинам-то приличным с тобой стыдно будет пройтись —

на лахудру с рынка стала похожа. Не ожидала я от тебя дурасти такой...

— Ну, что теперь поделаешь, тетя Жанночка? Значит, не судьба мне с вами на шопинг попасть! И в самом деле, не позориться же? — сядь вслед за матерью в машину, с девчоночьим озорным вызовом произнесла Света, за что Ася незаметно, но довольно-таки сильно дернула ее за руку: заткнись, мол, я тебя умоляю...

Жанна любила брать с собой Свету на шопинг, Асю почти никогда не приглашала, а вот девочку звала в эти рейды с удовольствием. Да и сама Ася не претендовала на участие в этих походах по дорогушим магазинам. От одного только взгляда на ценники у нее нервная тошнота подступала к горлу и ступор какой-то находил — ну какая из нее, в таком-то состоянии, советчица подруге... За этими космически невероятными цифрами она и одежды-то самой, как таковой, не видела, а только автоматически сравнивала эти цены со своей зарплатой да замирала от тихого ужаса. А Света — та ничего. Потрясения не испытывала и от ужаса не замирала: и зарплаты у нее еще своей не было, и сравнений неприятных тоже, естественно, пока никаких не возникало...

А в магазинах Жанна ласково называла Свету «дочей». «Ну как, доча, мне это идет?» — кокетливо-громко спрашивала она, косясь на молоденьких продавщиц, собравшихся поглазеть

на этот миниатюрный спектакль под названием «успешная женщина с красивым ребенком на шопинге». Она и Светку в этих честолюбивых походах обряжала-экипировала полностью, может, с еще большим даже удовольствием, чем себя. Образ из нее создавала, как писатель какой или художник. Или скульптор. Или модельер. Вдохновенно-творчески относилась к этому процессу. И Ася всегда потихоньку радовалась, что две ее основные и самые трудные материнские проблемы так удачно разрешились. И девочка престижно, дорого одета, потому как на девчоночьи стильно-модные прикиды никакой ее зарплаты не хватит, и мальчик в хороший институт с наличием военной кафедры учиться пристроен, что и проблему с армией тоже благополучно решает...

— Господи, Пашка, как же ты на отца становишься похож! — грустно произнес Лева, разглядывая юношу в зеркало заднего вида. — Он вот так же брови к переносице сводил, когда чем-то недоволен был... Чем недоволен-то, Пашка? А?

— Всем доволен. Счастлив даже. А что? С утра взяли и изнасиловали, можно сказать... Отчего ж не получить удовольствие?

— Ого! — рассмеялся весело Лева. — Смотри, как мы отвечаем! Весь, весь отцовский строптивый характер... Ну да ничего, Пашка, вот закончишь институт — и сразу ко мне на фирму пойдешь. Я твой характер переделаю.

И человека из тебя тоже сделаю. Мне преданные люди ой как нужны! И деньги я тебя научу делать. Нынче человек без денег, Пашка, за человека вовсе не считается. Ты учишься-то хоть как, а?

— Да нормально...

— Нравится?

— Да как вам сказать...

Теперь уже Пашку Ася изо всех сил незаметно дергала за рукав куртки — ну что за дети такие, ей-богу! Ведь не маленькие уже, должны понимать, в конце концов, кто для них есть такие Лева с Жанночкой... Что, трудно сделать благодарное выражение лица хотя бы? Или ответить пожизнерадостнее? Не убудет ведь от них...

Минуя пустые в этот ранний час улицы, они выехали из города и помчались по недавно отремонтированному, на западный манер, шоссе. Дача Левы и Жанны была расположена в весьма престижном пригороде, и потому дорогу эту делали довольно долго, кропотливо и тщательно. Зато ехать по ней теперь — одно удовольствие. Дождь все-таки надумал пойти, начал наискось чертить пунктирами-капельками параллельные прямые на окнах, и музыка из динамиков лилась соответствующая: грустная и совсем немодная. Музыка со старой пластинки их молодости... Асе сразу вспомнилось, как они ездили на эту дачу раньше, — тогда еще у Левы не было «Лексуса», а был старенький,

купленный с десятых рук раздолбанный «жигуленок», и они так же сидели с Павликом на заднем сиденье, держа детей на руках, да и дача у Жанны слевой в то время еще представляла собой малюсенький однокомнатный щитовой домик в окружении картофельных да луковых грядок. Это сейчас там дворец настоящий...

«Дворец» открылся им сразу из-за небольшого пригорка, при въезде в поселок — показались многочисленные башенки, крытые матовой красной черепицей. Необычный такой домина: желто-красный, праздничный, как пряник. И неизвестно в каком духе и стиле построенный: то ли игра болезненного воображения архитектора, то ли самих хозяев... Хотя внутри этого странного дома было очень мило и уютно: через огромные окна в комнаты практически шагнули красивые осенние пейзажи, видна была и небольшая речка — чистая, быстрая и продуктами никаких смертельно ядовитых производств не отравленная; говорили, что в ней до сих пор даже раки водятся.

К приезду Левушкиных гостей — молодой и надменной супружеской пары с двумя дочками-подростками — у них уже все было готово: нежная рыночная свинина успела истомиться до изнеможения в остром уксусно-луковом маринаде, баня была протоплена на славу и пряно-зазывно источала березовый запах, и даже небо милостиво распогодилось, заиграли робкие солнечные

лучи на мокрой траве аккуратно подстриженного газона. Все, все было готово к приему нужных и дорогих гостей. Все, кроме настоящего, не показного хозяйского радушия да истинной веселой искренности, которые никоим образом, подсуетившись, заранее заготовить, к сожалению, невозможно, как шашлыки, например, или баню, как уж тут ни старайся. Хотя изобразить таковые чувства, конечно, можно постараться, что и делали сейчас, яростно тужась, Жанна с Левушкой, только не получалось у них ничего. Все равно вылезало на первый план некое игривое притворство, молчаливая договоренность на сегодняшнюю только дружбу, на вечер непринужденного вроде бы общения. На самом-то деле оно было весьма и весьма принужденным, но что делать, раз так надо... Особенно старалась Жанна. И смеялась громко, откидывая голову назад, — в совершенно не свойственной ей обычно манере — и заглядывала вопросительно-весело, по-бабьи и по-свойски как бы в надменные глаза супруги Левушкиного нужного человека, и гоняла бедную Асю туда-сюда с поручениями так, что та практически с ног сбивалась. Ну да, а кого же еще Жанне гонять, если не Асю, — она ж здесь не чужая, всегда знает, где и что взять... Сама-то хозяйка ни на минуту от этой гусыни отойти не может, ее ж развлекать надо. А Ася здесь не гостья, Ася здесь своя, давняя подруга-помощница...

Вот Светка — та молодец. Девочка быстро двух чиновничьих дочек раскрутила, несмотря на их малолетнюю, уже проявившуюся надменность. Все носилась с ними по лесу и визжала, как молодая поросятина, и напрягаться-тужиться ей для этого не понадобилось. А потом их к столу привела — веселых, раскрасневшихся, растрепанных. Дети как дети оказались. Обычные смешливые девчонки. А когда из машины выходили, так просто куда там — ни на одной хромой козе запросто не подъедешь... А уж когда Пашка гитару взял да запел свои, по Асиному мнению, простовато-глуповатые душещипательные песенки, они вообще глаза на него вылупили да так их на нем и оставили. И что они, молодые, находят в подобных дурацких песенках? Ася никак этого понять не могла. Ну, выйдет какая-нибудь неухоженная, насквозь лохматая девица с гитарой на сцену, запоет где-то трескучим, где-то с хрипотцой голоском что-то вроде «...я помню все твои трещинки, пою твой-мой песенки...» Что тут такого-то, господи? От чего тут с ума сходить, объясните? Трещинки какие-то... Вот и у Пашки примерно такие же песенки-трещинки получаются. И, удивительно, тоже нравится всем до безумия...

А еще она видела, что Пашка психует. И старается не показывать этого вроде, и улыбается всем вежливо-приветливо, но она понимала, как плохо ему здесь. Неуютно. И с гостями этими

неуютно, и пить им неуютно, и вообще, как будто его здесь и нет. Почти все время, отойдя подальше от плавно тусующегося вокруг стола подвыпившего народа, он ходил-гулял где-то в сторонке, и, прижимая к уху мобильник, нервно размахивал во время разговора свободной рукой, словно доказывая что-то неведомому для Аси собеседнику. Хотя какому уж там сильно неведомому — наверняка с Марго своей разговаривает. Придумала же девчонка себе имя красивое — Марго! Какая там, к черту, Марго? Ей и не идет вовсе. Обыкновенная Риточка — русоволосое и бледненькое создание. Ну, длинноногая. Ну, худенькая. Симпатичная, конечно. А какая сейчас из них, из нынешних молодых, не длинноногая и не худенькая? И не бледненькая? Все они — дети города. Вернее, дети каникул, в этом городе безвыездно проведенных по причине родительской бедности. И все одинаковые. И нечего себе имена красиво-звездные придумывать. Марго она, видишь ли... Вот Ася, например, принципиально ее Риточкой зовет и не иначе, потому что встретишь такую Марго на улице — пройдешь, не заметив, как мимо стены. А у этой гонору — и впрямь как у звезды какой. Знаем мы этих звезд из последнего ряда провинциального кордебалета...

Но суматошный день Пашка, надо отдать ему должное, стойчески вытерпел до конца. И сбегал на электричку только после того, как Жанна с Левушкой проводили, наконец, своих важных